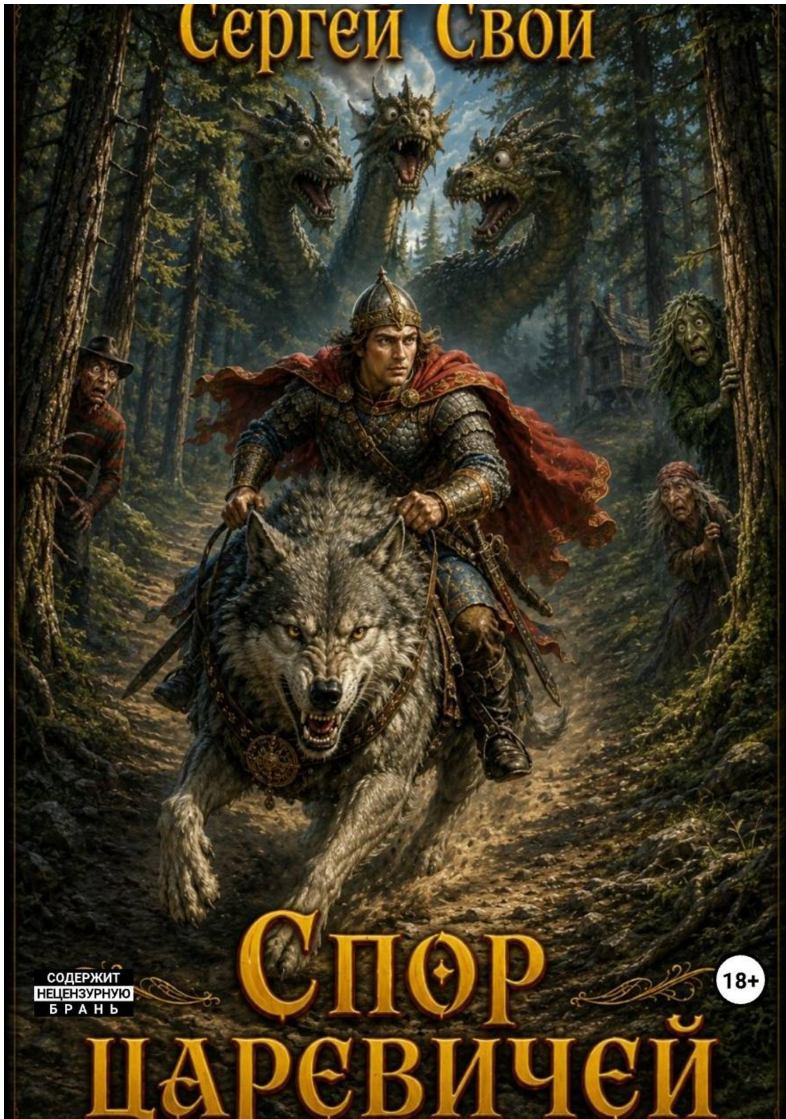

Сергей СВОИ

СПОР ЦАРЕВИЧЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Свой

Спор царевичей

<https://litres.ru/74018253>

SelfPub; 2026

Аннотация

А кто сможет прошвырнуться по всем сказкам, да выскочить из них целым и с прибылью? Только Иван-царевич! Брехливый, правда, как Барбос ... Ну и что?! В сказках только такие и выживают. Вот почитайте сами. Да они и в жизни эти цари так брешут, что аж сами верят в свои басни.

Но тут есть почти все - и Змей-Горыныч, владелец заправки и три богатыря, играющие в секу и буру (мухлюют, прада, собаки...) и Фредди Крюгер иностранный мигрант-"специалист", кикимора "легкого поведения", Кошей Бессмертный - налоговый ... Да всякого хватает, прочтете если захотите улыбнуться))).

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Свой

Спор царевичей

Глава 1

Глава первая. О споре братском да о дорожке в пекло

За дубовым столом, что стоял посреди горницы в тридцатой палате царского терема, бранились два брата. Старший, Иван Царевич, в сапогах из змеиной кожи да в кафтане, расшитом черепами супостатов, одним пальцем размельчал в крошево каленый орех. Младший, Семён-царевич, мужик хлипкий, больше по библиотекам да по травничкам шныряющий, нервно теребил кисть пояса.

— Слабо, Ваня, — процедил Семён, отодвигая от себя чарку с медовухой. — А слабо тебе Долину Нечисти с одного маха переехать? Говорят, там даже бесы дороги в штаны наложить норовят.

Иван хмыкнул, и хмык его прозвучал как удар булатной палицы по сырой земле.

— Долина? — переспросил он, лениво вращая в пальцах

нож для резки хлеба, каковым ножом он в прошлый вторник зарезал дюжину лихих разбойников. — Да я эту Долину верхом на Хромом Волке на спор проеду. Не просто проеду, а все двадцать сказочных мест одно за другим на спор обругаю или перехитрю.

Семён подался вперед, глаза его загорелись масляным огоньком.

— А давай на великий заклад? — шепотом спросил он. — Твою саблю «Змеедушу» на мою коллекцию травы сонзелья. Ежели проедешь — сабля твоя при тебе останется, а я тебе вдобавок свой черный плащ-невидимку отдам. Ежели нет — саблю мне.

Иван прищурился. Сабля «Змеедуша» была его единственной настоящей любовью (после того как три его невесты сбежали, не выдержав его характера). Клинок, выкованный из ребра Змея Горыныча, сам пел в сече и требовал крови.

— Идет, — Иван Царевич хлопнул ладонью по дубу так, что доски треснули. — Свидетелем будет Кощей Бессмертный, он как раз мимо на вахте в караулке курил. Эй, Кощей!

Сухой, как щепка, старик с горящими зелеными глазами

просунул голову в дверь.

— Чего тебе, нахал? Опять на спор поехал?

— Засвидетельствуй, старая кочерга. Ежели я за три дня не вернусь из Долины Нечисти, проехавши двадцать мест, — саблю отдам Семену.

Кощей крикнул, почесал костяным пальцем затылок.

— А ежели ты, Иван, там сгинешь? Кому саблю тогда?

— Не сгину, — оскалился Иван. — У меня зуб на нечисть особый. С детства не люблю, когда дорогу переходят.

Утром следующего дня, еще до первых петухов, Иван Царевич оседлал своего верного Хромого Волка. Волк был серый, зубастый, с одним глазом (второй выбили в битве с Чудом-Юдом), и сильно хромал на правую переднюю лапу, но бегал при этом так, что ветер за ним сворачивал шею.

— Ну что, брат Семён, — Иван натянул рукавицы из кожи василиска. — Гляди в оба. Считай дни.

Семён стоял на крыльце, кутаясь в шубу, и ехидно улыбался.

— Первое место, Ваня, — напомнил он, разворачивая свиток. — Избушка Бабы Яги на опушке. Она старуха с характером. Обычно царевичи к ней ласково: «Бабушка, повернись ко мне передом...» А ты как собрался?

Иван сплюнул через левое плечо.

— Бабка Яга? Эта пеньковая голова? Я ей, этой старой проститутке, быстро укорот дам. Не трогай, говорю, меня, а то ножки от избушки откручу.

С этими словами он вонзил шпоры в волчий бок, и зверь рванул с места так, что из-под когтей выскочили искры, а Семёнова шапка слетела на землю от воздушного потока..

Два часа скачки через мшистые болота, через колдовские перелески, где ветки сами хватали за портки, — и вот она, избушка.

Стояла она, родимая, на краю Долины Нечисти. Не просто стояла, а нагло так, всем своим скособоченным фасадом перегородив единственную тропку. На курьих ножках, с крышей из человеческих черепов (уже проржавевших) и с наличниками, вырезанными в виде зубов. Дым из трубы валил черный, вонючий, пахло жжеными поганками и старыми юб-

ками.

Баба Яга сидела на крыльце в кожаном переднике и курила трубку, набитую сушеными мухоморами. Увидела всадника, прищурила свой единственный глаз (второй был повязан черной тряпицей).

— Фу-фу-фу! — проскрипела она. — Русским духом пахнет! Что, царевич, мимо не проедешь? Аль жисть надоела?

Иван Царевич спрыгнул с Волка. Не поклонился, шапку не снял. Наоборот, руки в боки упер, ногу на пенек поставил и глянул на Ягу таким взглядом, от которого у самого Кощея желчь вскипала.

— Слушай сюда, старая карга, — голос Ивана прозвучал как наждак по стеклу. — Дорогу давай. Живо. Со всей своей дырявой избушкой сваливай в овраг.

Яга поперхнулась дымом. Трубка выпала из зубов.

— Ты... ты это кому, щенок? — зашипела она. — Да я тебя в ложке утоплю! Да я тебя в ступе перемелю! Да я...

— Заткнись, старая проститутка! — рявкнул Иван Царевич.-- Ты чего это меня затыкаешь?! И ты видел как я про-

ститутничаю, чтоб оскорблять?!-- Кашей в прошлом годе, на своем восьмитысячном дне рождении рассказывал, нажрался самогона и поведал. Как ты, рванина, после Потопа, когда все вылезли на горе Арарат и радовались, вы, остались в ковчеге и ... того ... Причем ты содрала с него денег - как быдто девкой была, нецелованной.

В наступившей тишине даже мухоморы перестали расти. Хромой Волк испуганно прижал уши. А Баба Яга медленно приоткрыла рот, из которого вывалилась недожаренная лягушачья лапка.-- Вот же старое засушенное трепло, А?! А ведь клялся что любит ...

Иван между тем не шутил. Он выхватил из ножен саблю «Змеедушу». Клинок загудел, засветился алым, потому что чувствовал близкую драку.

— Я сказал, — Иван шагнул к избушке, — старая подзаборная шлюха. Ты меня слышала? Сгони свою халупу с дороги. А нет — я сейчас лично подойду, отрублю одну курью ножку от твоей избушки.

Он щелкнул лезвием по бревну, и бревно задымилось.

— Окорочок, — продолжил Иван, нарочито облизывая губы, — мы с волком зажарим на углях. Посолим поганка-

ми, поперчим мухомором и сожрем. Прямо у тебя на глазах. Хрум-хрум. А потом я отрублю и вторую ножку, и третью, и четвертую. И твоя избушка рухнет прямо на твою же костяную башку.

Баба Яга побелела. Это страшное зрелище: белая Яга. Она даже заикаться начала.

— Но... но ты же царевич! Тебе положено быть вежливым! — пропищала она. — По этикету! Сначала спросить: «Избушка-избушка, повернись ко мне передом...»

— Плевал я на твой этикет с высокой башни, и на твой "передок", покрытый плесенью — отрезал Иван. Размахнулся саблей. — Раз. Считаю до трех.

— Не надо! — заверещала Яга. — Бабка я бедная, одинокая! — Она сползла с крыльца, вцепилась в курью ногу. — Гера! Куд-куда! Родная! Не дай себя отрубить!

Избушка затряслась. Куриные ноги, покрытые чешуей и старыми шпорами, начали перебирать, как у испуганной наседки. Земля под ними заходила ходуном.

— Два, — спокойно сказал Иван и занес саблю для удара по суставу левой ноги.

— УХОЖУ! УХОЖУ, ЧТОБ ТЫ ПОДОХ! — заорала Яга, вскакивая в ступу. — Антихрист! Отродье Змеево! — Она схватила помело, но не для полета, а чтобы быстрее отвязать избушку от пеньков.

Избушка жалобно скрипнула, приседая на все четыре конечности, и, хромя, побежала в сторону. Куры ведь — они и есть куры. Бегает избушка не быстро, но тут от страха она припустила галопом, только перья (лучина) полетели во все стороны.

Баба Яга, сидя в ступе верхом на помеле, уносилась следом и орала на всю Долину:

— У-у-у, проклятый царевич! Чтоб тебя в следующем месте разорвало на куски! Чтоб тебя Леший из штанов вытряс! Чтоб тебя Кикимора за... за уши отгаскала!

— Скатертью дорожка, бабуля! — крикнул ей вслед Иван Царевич, пряча саблю в ножны. — Передавай привет своим мммм... женихам!

Хромой Волк захохотал по-волчьи, скалясь в три ряда зубов.

— Ну что, Семён, — сказал Иван сам себе, глядя на небо, где его брат, наверное, сейчас сидел у волшебного зеркала и подглядывал. — Один ноль в мою пользу.

Он вскочил на волка, хлопнул его по крупу, и они помчались дальше, вглубь Долины Нечисти, к остальным девятнадцати местам. Впереди ждал его Леший на трех соснах, Кикимора в болоте, Водяной с русалками, а также говорящая печь, да Змей Горыныч на заправке (змеиной).

Но это, как говорится, уже совсем другая история, и расскажет о ней брат наш меньший, Семён-царевич, если слезами не умоется, проиграв плащ-невидимку.

Конец первой главы.

Глава 2

Глава вторая. Картежный переполох на богатырской заставе

Иван Царевич скакал на Хромом Волке через Долину Нечисти, довольный, как сто чертей после удачного торга. Первое место он проскочил с треском, бабку Ягу разогнал по кустам, саблю даже не затупил. Настроение было хоть в бочку закатывай — ядреное.

Волк под ним фыркал, стряхивая с усов паутину сгнившую, и вдруг встал как вкопанный.

— Чего встал? — рявкнул Иван.

— А ты глянь, — буркнул волк хриплым басом. — Застава.

Прямо посреди дороги, на ровном пяточке, где трава была вытоптана в хлам, сидели три здоровенных мужика. Сидели на бревнах, накрытых попонами, и в карты резались. Рожа у каждого — кирпичом, бородищи — лопатами, плечи — как перекладины у виселицы.

Илья Муромец. Добрыня Никитич. Алёша Попович.

У Ильи колода в ручищах хрустела, Добрыня прикурил от пальца (который горел синим пламенем — это у него от зелья богатырского бзик такой), а Алёша Попович сидел бочком, одним глазом в карты глядел, а вторым в закром за спиной — там у него краплёная колода припрятана была.

— Эй, богатыри! — крикнул Иван, не слезая с волка. — Дорогу дайте! Царское дело!

Никто даже ухом не повёл.

— Я говорю, — повторил Иван громче, — подвиньтесь, оглобли! Мне двадцать мест проехать нужно, я на споре!

Илья Муромец, не поднимая головы, выкинул на стол шестёрку пик и сказал в усы:

— Ходи, Добрыня, с червей.

— Тьфу ты, — Иван спешился. Подошёл вплотную. — Вы меня слышите, дубы стоеросовые?

Тут Алёша Попович наконец поднял свои бойкие глазки, хихикнул по-девичьи (но с подвохом) и говорит:

— Слышим, царевич. Да только дорога наша. Застава. По правилу богатырскому: никто не проедет, пока с нами в дурака не сразится.

Илья отложил карты, тяжело так вздохнул — аж у Ивана кафтан зашевелился.

— Верно, — прогудел он. — Сыграешь с нами, Иван. В дурака. Выиграешь — проедешь. А нет — ворочай оглобли назад. Потому как негоже герою по Долине без картежного навыка шляться.

— Да я в дурака с пелёнок режусь! — хмыкнул Иван, садясь на пенёк напротив. — Давай колоду.

Сели играть. Добрыня сдал. Иван открыл карты — на руках два короля, дама, валет и девятка с тузом. Красота!

— Хожу с девятки, — бодро сказал Иван.

Алёша Попович прикрыл глазки, хватъ — и откуда-то из-за голенища выкинул десятку. Ту же масть.

— Крыто, царевич. Дальше.

Иван ходит с короля. Добрыня, не глядя, откуда-то из-за пазухи достаёт туза.

— Э, — сказал Иван. — А туз у тебя откуда? Я только что короля видел у себя...

— Тебе показалось, и не заглядывай в чужие карты — ласково улыбнулся Добрыня, сверкнув глазами, от которых у баб истерика случалась. — Играй давай.

Иван ходит с валета. Илья Муромец крикнул, подул в кулак — и оттуда выпал туз червей.

— Да вы ж мухлюете, медведи! — заорал Иван.

— Кто, мы? — удивился Алёша, в этот момент незаметно меняя две карты в рукаве. — Мы люди честные, былинные. Не имеешь права оскорблять.

Игра закончилась быстро. Иван остался в дураках. Три богатыря заржали — так, что у Хромого Волка шерсть на загривке дыбом встала, а у ближайших деревьев листья осыпались.

— Ну да ладно, — сказал Иван, скрипя зубами. — Случайность. Давай по новой. Но в другие игры. В буру умеете?

Илья Муромец аж поперхнулся собственной бородой.

— В буру? Это где на червонец кон? Да мы в буру ещё когда твоего отца царевичем не называли, уже играли! Садись!

Снова сели. Добрыня сдал. Иван глянул — карта огонь. Тройка бубей, двойка крестей, туз пик. Начинает.

— Десять червонцев? — предложил Иван.

— Идёт, — кивнул Илья.

Иван ставит. Богатыри переглядываются. Алёша улыбается масляной улыбочкой. Добрыня чешет затылок — и в этот момент у него из уха выползает шестёрка червей, падает на колоду.

— Ты что, карты в ухе носишь? — спросил Иван.

— Ухо чешется, — ответил Добрыня. — Не твоё дело.

Играют. Иван объявляет буру. Богатыри делают вид, что думают. На самом деле Алёша ногой под столом пихает Илье краплёную карту. Илья невозмутимо бьёт буру Ивана тузом, которого в колоде отродясь не было.

— С какого перепугу у тебя туз? — вскипел Иван.

— С перепугу, — сказал Илья. — Ты бы, царевич, меньше в карты пялился, а больше на дорогу смотрел. Проиграл.

Иван проиграл. Опять.

Богатыри заржали пуще прежнего. Алёша Попович схватился за живот и заверещал тоненько:

— Ой не могу! Ой уморил! Два раза подряд продул! Царевич, а? Картёжник великий!

— Ну всё, — Иван встал, пнул пенёк ногой. — Хватит дурью маяться. Давай в секу. По червонцу. Выиграю — проеду.

— В секу? — переспросил Добрыня, убирая сдачу в карман (куда-то в глубину штанов, где явно была дыра в пространстве). — Будь по-твоему.

Сдают. Иван берёт карты — красота неопишемая. Два туза, король. Секу!

Алёша Попович приподнимается, смотрит в свои карты, потом в Ивана, потом в небо. Потом шепчет что-то Илье в

ухо. Илья кивает. Добрыня смотрит строго.

— Секу, — говорит Иван ещё раз.

— А у нас, — говорит Илья, — знаешь что? — и выкладывает на стол три карты, которые Иван даже разглядеть не успевает, потому что Алёша быстренько их рукой накрывает.

— Джокеры? — спрашивает Иван с подозрением.

— Что-то вроде того, — ухмыляется Алёша. — Проиграл, царевич.

— Как проиграл? Я не видел ваши карты!

— А ты не гляди, — советует Добрыня. — Ты доверяй. Мы ж богатыри. Нам врать — грех.

Ржут все трое. Даже Хромой Волк отвернулся, чтобы не видеть этого позора.

Иван вскочил, саблю наголо, но вовремя опомнился. Против трёх богатырей даже с саблей «Змеедушей» делать нечего — размажут по поляне тонким слоем и скажут, что так и было.

— Ну чёрт с вами, — сказал он, сплёвывая. — Давайте последний раз. В другую игру. Я спец в эту игру. Я в ней с пяти лет никому не проигрывал.

Илья Муромец прищурился:

— В какую такую?

Иван ухмыльнулся, выпрямился во весь рост, руки в боки, подбородок вверх.

— В очко !

Тишина наступила такая, что слышно было, как черви под землёй крестиком вышивают.

А потом богатыри подпрыгнули.

Все трое. Как ужаленные.

— Фу-фу-фу-фу! — заорал Илья Муромец басом, от которого у Ивана сабля в ножнах задрезжалась. — Фу, мать твою в дышло!

— Фу, чтоб тебя разодрало! — подхватил Добрыня, отпрянув от стола, будто тот загорелся.

— Фу-фу-фу, меркель, проститутка старая! — заверещал Алёша Попович, отбегая к берёзке и закрывая лицо руками.
— Мы тебе кто, блядуны придорожные?!

Иван опешил.

— Вы чего? Игра как игра...

— Молчать! — рявкнул Илья Муромец, наступая на него грудью, от которой у любого медведя инфаркт случился бы.
— Мы тебе не европейцы, мать твою! Не англичане да макроны с обами этими, чтоб мы тут с тобой... в ОЧКО... да ещё и ручкались!

— Да я не в том смысле... — начал Иван.

— А в каком ещё, сука, смысле? — подскочил Добрыня, сверкая глазами. — Ты, может, ещё предложишь в «козла» на раздевание? Или в «пьяницу» с поцелуйчиками?

— Ишь ты, "люди добрые", — всхлипнул Алёша из-за берёзы, — и не очень добрые, и вообще никакие! Если узнают, что мы, три богатыря, с мужиком в очко на дороге резались, нас же из всех былин вычеркнут! Из фольклора выкинут! В пабликах засмеют!

— Позорище, — процедил Илья. — На старости лет такого наслушаться. Ты, царевич, проваливай, откеда приехал. Точнее — куды ехал. Вали, говорю, пока ты при памяти, да пока мы добрые.

— Но вы же сказали: выиграю — проеду, — попытался возразить Иван.

— Мы сказали — в честные игры, — отрезал Добрыня. — А то, что ты предлагаешь... — он перекрестился на ближайшую ворону, — это даже не на спор. Это - дно. Проваливай. Задумал он тут ... гомосятину какую-то ...

И три богатыря, не сговариваясь, подхватили свои бревна, карты, краплёные колоды, недопитые ендовы и быстренько отбежали на край леса. Там присели за кустами, спинами к Ивану, и принялись яростно креститься и сплёвывать через левое плечо.

Иван постоял, почесал затылок, потом медленно обернулся к Хромому Волку.

— И чё это они? — спросил он.

Волк вздохнул, как старый философ.

— Иван, — сказал он. — Ты, конечно, мужик отважный. Но дурак. Полный, абсолютный и с саблей. Садись уже, поехали. Третье место вон за поворотом. Там Леший на трёх соснах. Он хотя бы в карты играть не умеет.

Иван вздохнул, забрался на волка, и они поскакали дальше, оставив трёх богатырей за кустами в глубокой культурной травме.

— Ну ничего, — буркнул Иван себе под нос. — Я ещё покажу этим старпёрам, где раки зимуют.

— Где? — поинтересовался Волк.

— В очк... — начал Иван и осекся. — Ладно, молчи. Погнали.

Конец второй главы.

Глава 3

Глава третья. Леший, пари и богатырская лысина

После позорища с богатырями Иван Царевич скакал на Хромом Волке злой, как сотня голодных барсуков. Молчал. Только зубами скрипел — аж искры из-под усов летели. Волк тоже помалкивал: знал, когда с хозяином лучше не связываться.

Дорога тем временем пошла дремучая. Сосны — в три обхвата, с корявыми лапами, что тянулись к седоку, норовя шапку сбить. Мох висел с веток, словно старые бороды. Воздух сделался густой, пахло грибами, гнильцой и чем-то еще неуловимо паскудным — то ли лисьей мочой, то ли самим лешим несло.

— Иван, — сказал Волк, останавливаясь. — Дальше я не пойду.

— Это еще почему?

— А ты глянь.

Прямо перед ними дорога сворачивала влево, но сворачивала так неестественно, будто кто-то скрутил её, как веревку, и завязал узлом. А в центре этого узла, на трех соснах, сидел... Леший.

Не просто сидел, а развалился. Одна нога на одной сосне, вторая на другой, третья — да, у лешего их было три, все кривые, в мху и с огромными ногтями, похожими на когти — болталась на третьей сосне. Сам он был здоровенный, лохматый, весь в шишках и прошлогодних листьях. Роба — зеленая, борода из лишайника, глаза — два болотных фонаря, горят желтым.

В одной руке Леший держал кружку мутного лесного кваса (такого, что ложка стояла), в другой — зажаренную ворону на палочке.

— О, — сказал Леший, жуя ворону вместе с перьями. — А вот и гость. Здорово, царевич. Давненько ко мне никто не заезжал. С прошлого года, как один купец на спор пошел — до сих пор по болотам прыгает, лягушек целует. Думает, царевну найдет.

— Здорово, зеленая образина, — ответил Иван, спрыгивая с волка. — Дорогу давай. Мне некогда с тобой лясы то-

чить.

Леший хмыкнул, отхлебнул из кружки, крякнул — и у него из ушей повалил зеленый пар.

— Дорогу? — переспросил он. — А на поребрике не хочешь? Я тут, знаешь ли, хозяин. Имею право развлекаться. Ты, царевич, на спор едешь? Я чую. Азартом от тебя разит, как от борзого щенка.

— И что с того?

— А то, — Леший спрыгнул с сосен, приземлился на все три ноги и почесал пузо, где из пупка рос мелкий подберезовик, — что я тоже на спор могу. Давай, царевич, сыграем в одну игру.

— Опять в карты? — поморщился Иван, вспоминая богатырские фокусы.

— Какие карты, тьфу, — Леший сплюнул через плечо. Плевок попал в куст, и куст тут же завял. — Мы лесные люди, мы в телесное верим. Смотри сюда.

Он отошел на три шага, встал посреди поляны, поднял свои три руки к небу и сказал:

— Сделаю я сейчас сальто. С места. Без разбега. Чистое сальто-мортале. Если не сделаю — ты, царевич, от меня отстаешь и едешь дальше, как ни в чем не бывало. А если сделаю — то я тебя брею.

Иван прищурился:

— Бреешь? Это как?

— А так, — Леший оскалился, показав зубы, похожие на старые гвозди. — Посажу тебя на пенек, намотаю твою царевичскую шевелюру на кулак и сдеру. Всю. До последнего волоска. Так выбрею, что даже кикиморы, когда тебя увидят, плевать будут. Потому что лысая башка — это, конечно, смешно, но лысая башка с царской короной — это уже беда.

— А если ты сальто не сделаешь? — уточнил Иван.

— Не сделаю — значит, твоя взяла, — ляпнул Леший и тут же прикусил язык, поняв, что сказал лишнего.

— Моя взяла? — оживился Иван. — То есть, если ты не сделаешь сальто, то я тебя брею?

— Нет! — замахал руками Леший. — Не так! Я оговорил-

ся!

— Нет, так, — Иван уже улыбался во весь рот. — Ты сам сказал. Волк, ты слышал?

— Как не слышать, — подтвердил Волк, скалясь. — Сказал: «Не сделаю — твоя взяла». При свидетеле.

Леший заскрипел зубами, заскреб себя по зеленой башке, с которой посыпались прошлогодние листья.

— Ну уж нет! — рявкнул он. — Я Леший! Меня брить — себя не уважать! Давай по-честному: если я сальто не делаю, то я сбрываю свои усы. Но не всю бороду! Усы — и всё!

— Бороду, — сказал Иван. — Всю. До последнего волоска. И бакенбарды эти мохнатые — тоже.

— Да какие бакенбарды! Это у меня лишайник полезный!

— Тем более сбрить, — отрезал Иван. — Соглашайся, зеленая голова. Или мы с волком поедем дальше в обход, а я Кощею скажу, что ты от спора прячешься. Кощей таких знаешь как наказывает? В погреб сажает, заставляет лесную бухгалтерию вести.

Леший побледнел. Побледнеть на зеленой роже — это было зрелище не для слабонервных.

— Ладно, — сдался он. — Ладно, хитрый ты царевич. Смотри.

И начал готовиться.

Он поставил кружку на пенек. Снял с себя жилетку из бересты. Попрыгал на трех ногах, разминаясь. При этом одна нога у него отдельно выбивала дробь, вторая — топала, третья — просто тряслась, как осиновый лист.

— Смотри, царевич, — сказал Леший, — таких чудес ты в своем тереме не видал.

И он начал.

Леший присел. Все три ноги согнулись, как у лягушки. Руки — все три — взметнулись вверх. Он оттолкнулся от земли с такой силой, что под ним образовалась ямка глубиной в пядь.

Тело Лешего перевернулось в воздухе. Медленно. Очень медленно. Иван даже успел разглядеть, что у Лешего на затылке растет еще одно лицо — маленькое, злое и безглазое,

которое прошамкало: «Поберегись!».

Он перевернулся один раз. Потом второй. На втором обороте у него из кармана вылетела запасная кружка, разбилась об сосну, и сосна загорелась синим пламенем. На третьем обороте Леший попытался поймать себя за пятку, промахнулся и...

Шмякнулся.

Шмякнулся он так, что земля вздрогнула, с трех сосен осыпались все шишки, а Хромой Волк подпрыгнул и сказал: «Ну и ну».

Леший лежал на спине, раскинув три ноги в разные стороны. Из-под него торчал маленький гриб-подберезовик, который тут же завял от огорчения. Леший моргал желтыми глазами, смотрел в небо и шевелил губами.

— Не... не засчитается, — прохрипел он. — Я хотел на четыре оборота. Мне помешала... гравитация. Она, нечистая, лесная, кривая.

— Засчитается, — сказал Иван, доставая саблю «Змеешу» и делая шаг вперед. — Ты сальто не сделал. Ты сделал «шмяк». Это другое.

— Да я почти!

— «Почти» не считается. Давай сюда свою зеленую бороду.

Леший вскочил. Лицо его из зеленого стало серым — от огорчения и стыда.

— Ах ты, княжеская морда! — закричал он. — Да я тебе не дам себя брить! Я Леший! Я хозяин леса! У меня есть права!

— Какие права? — удивился Иван.

— Лесные! — рывкнул Леший и подпрыгнул на месте, пытаясь сделать второе сальто, но на этот раз с разбега.

Он разбежался, оттолкнулся от пенька, перевернулся в воздухе и приземлился прямо на собственную кружку. Поскользнулся. Шмякнулся во второй раз. Теперь уже мордой в муравейник.

Муравьи, надо сказать, были не рады. Они вылезли из всех щелей и начали кусать Лешего за уши, за нос и за третью ногу, которая, как выяснилось, была самой чувствительной.

— Ай-ай-ай! — заорал Леший, вскакивая и начиная плясать на трех ногах. — Снимите! Снимите их, ради всего лесного!

Иван стоял, скрестив руки на груди, и смотрел. Хромой Волк сел рядом и захохотал, показывая все свои зубы.

— Ну что, — сказал Иван, когда Леший наконец вытряхнул муравьев из штанов (и из третьей штанины, которая была специально для третьей ноги). — Бреемся?

— Да пропади ты пропадом, — простонал Леший, потирая искусанную спину. — Садись. Но брить буду я сам. И не подсказывай.

— Брить буду я, — твердо сказал Иван. — Ты проиграл, я брею. Таков уговор.

Леший тяжело вздохнул, сел на пенек и понурил свою зеленую голову.

Иван подошел сзади, достал из-за пояса дорожную бритву (взял на всякий случай у Семена перед отъездом, думал, пригодится). Бритва была острая, с костяной ручкой, на которой было вырезано: «Брею аккуратно, но больно».

— Голову не дергай, — сказал Иван. — А то не только бороду сниму, но и уши.

Процесс был долгий, занятный и сопровождался такими звуками, что даже волк закрыл глаза лапами. Леший всхлипывал, ойкал и иногда просил пощады, но Иван был неумолим. Он брил основательно: сначала убрал всю бороду, потом усы, потом брови (лешие очень гордятся своими мохнатыми бровями), а под конец прошелся по затылку, где рос тот самый маленький лишайник.

— Готово, — сказал Иван, вытирая бритву о траву и отступая на шаг, чтобы полюбоваться работой.

Леший встал, пощупал свою голову. Голова была гладкая, как лед на зимнем пруду, и блестела на солнце, как начищенный котелок.

— Ну как? — спросил он дрожащим голосом у Волка.

Волк открыл один глаз, посмотрел и закрыл обратно.

— Страшно, — сказал Волк. — Ты теперь похож на гигантскую зеленую поганку, которую ощипали. Или на очень огорченный бильярдный шар.

— А кикиморы? — спросил Леший, вспоминая свою же угрозу. — Кикиморы при виде меня теперь плевать будут?

— Кикиморы, — хихикнул Иван, убирая бритву, — кикиморы при виде тебя теперь не то что плевать будут — они будут креститься и убегать. Потому что лысый леший с такой рожей — это даже для Долины Нечисти перебор.

Леший подошел к луже, глянул на свое отражение и тихо завыл. Там, из воды, на него смотрело нечто совершенно нелепое: зеленая лысая голова, маленькие обиженные глаза и торчащие в разные стороны три уха (третье у него выросло на макушке, но раньше его скрывали волосы).

— Что ты со мной сделал, царевич, — прошептал Леший.
— Кто я теперь?

— Теперь ты просто Леший без бороды, — ответил Иван, вскакивая на Волка. — Может, поменьше станешь дурачиться на дороге, побольше делом заниматься. Скатертью дорожка, зеленый!

Они поскакали дальше, оставив Лешего стоять на трех ногах, трогать свою лысую макушку и смотреть в лужу с выражением глубочайшего отчаяния.

— Хорошо поспорили, — сказал Леший сам себе, поглаживая гладкий подбородок. — Правильно. По-честному. Без обмана.

Он вздохнул, нахлобучил берестяную жилетку прямо на лысую голову и побрел обратно на три сосны — отсыпаться и отращивать бороду заново. Говорят, у леших она растет быстро, особенно если поливать лесным квасом.

А Иван Царевич, довольный, с бритвой за поясом, мчался дальше по Долине Нечисти, гадая, кого ему придется брить в следующий раз.

Впереди его ждала Кикимора, Водяной, Русалки и еще пятнадцать сказочных ужасов. И у каждого из них было что-то, что можно было сбрить.

Конец третьей главы.

Глава 4

Глава четвертая. Кикимора, бобры и одно очень обидное утро

Иван Царевич скакал на Хромом Волке дальше, при полном порядке: шапка набекрень, кудри из-под нее выбиваются, усы смоленые торчат в разные стороны, сабля «Змееша» на боку позвякивает. Леший, голый и лысый, остался позади на трех соснах — отращивать бороду и проклинать день, когда связался с царевичем.

— Иван, — сказал Волк, притормаживая у березовой рощицы. — Ты это... шапку бы поправил. А то она у тебя набекрень съехала, вид такой разбойничий. Кикимора испугается.

— А пусть пугается, — ответил Иван гордо. — Это боевой вид. Леший оценил, и богатыри оценили, и кикимора оценит.

— Кикимора — баба, — напомнил Волк. — Бабы, может, и оценят, только потом замуж позовут.

— А я женат не был и не собираюсь, — отрезал Иван. —

Так что плевать.

Тут дорога снова сузилась и превратилась в тропинку, которая вела прямо к болоту. Посреди болота стояла чахлая береза, а под березой, на кочке, сидела она.

Кикимора.

С виду — вроде бы девка. Лет двадцати с хвостиком, в сарафане грязном, с венком из осоки на голове. Только лицо зеленоватое, глаза желтые, а руки длинные, с ногтями, которыми можно было бы ложки вырезать, не вставая из-за стола.

Сидит Кикимора, ножкой болтает. И не просто сидит — ломается. Весь из себя нецелованный цветочек болотный строит: головку набок, губки бантиком, ресничками хлопает. Пальчиком — тем самым, когтистым — водит по сарафану, а сарафан на ней, надо сказать, такой, что на груди дырка, и в эту дырку Кикимора что-то щупает.

Щупает и вздыхает.

— Ох, — говорит, — тяжела жизнь болотной девушки. Никто не ценит, никто не понимает. Одна я, бедная, нецелованная...

Иван придержал Волка, спрыгнул и пошел пешком. Подошел поближе. Кикимора его заметила, но вида не подала. Продолжала щупать себя в том самом месте, где у обычных девок положено быть двум важным хозяйственным предметам. У нее там, судя по всему, была кочка — маленькая, болотная, но она ее щупала с таким выражением, будто это была драгоценность государственной важности - как у Анны Семенович.

— Здравствуй, красна девица, — сказал Иван, хотя красного в ней было только одно — ногти после недавнего завтрака (лягушка, видимо).

— Ой, — пискнула Кикимора, делая вид, что только что его заметила. — Ой, а кто это ко мне пожаловал? Неужто царевич? А я тут, понимаешь, такая вся... одинокая... нецелованная...

Она снова пощупала себя за пазухой, проверяя, всё ли на месте.

— Так я и есть царевич, — сказал Иван. — Иван. Мне бы через твою тропинку проехать. А у тебя тут перегородка.

Действительно, прямо за Кикиморой тропинку перегораживала странная конструкция — из веток, тины, старых лап-

тей и одной ржавой косы. Такая маленькая, но очень наглая болотная перегородка.

— Проехать? — Кикимора перестала щупать себя и томно приподняла бровь. — А ты знаешь, царевич, сколько девок болотных тут стоят, перегородки сторожат? Мы, между прочим, не железные. Нам удовольствие нужно.

— Какое удовольствие? — насторожился Иван.

Кикимора томно вздохнула, провела когтем по своей зеленой щеке и сказала:

— Поспать бы мне с кем. Пару раз. Для здоровья болотного. Тогда, может быть, и перегородку расплету. А нет — стой тут, пока не засохнешь, как прошлогодний камыш.

Иван скрестил руки на груди. Волк за его спиной хмыкнул.

— Спать? — переспросил Иван. — С тобой?

— Ну а что такого? — Кикимора обиженно надула губы и снова пощупала себя за пазухой (там что-то хлюпнуло). — Я, между прочим, девка хоть куда. Зеленая, стройная, ноги от ушей. Нецелованная, между прочим. Ни один жених не под-

ходил — все боялись, что загрызу в первую брачную ночь. Ну, загрызу, и что? Зато весело.

— Слушай, — сказал Иван, и в голове у него зашевелилась одна хитрая мысль. — А хочешь, я тебе место покажу, где ты будешь не пару раз, а неоднократно? Каждый день, можно сказать, удовольствоваться по полной программе? И даже не с одним, а с целой компанией?

Кикимора аж подпрыгнула на своей кочке. Глаза желтые загорелись, как два болотных фонаря.

— Где?! — заверещала она. — Где, говори скорее! Я туда бегом! Я туда лягушек закидаю!

— Не спеши, — усмехнулся Иван. — Сначала слушай. Это недалеко отсюда. За лесом, за оврагом, есть речка. А на речке живут... бобры.

— Бобры? — Кикимора разочарованно скривилась. — Это которые плотины строят? Скучные, работающие...

— А вот и нет, — поднял палец Иван. — Эти бобры особенные. Они, понимаешь, каждую весну новую плотину строят. И каждый раз — с таким удовольствием, с таким рвением, что загляденье. Ты бы видела, как они брёвна таскают.

Как хвостами шлёпают. Как потом сидят, довольные, и плотину свою обследуют — всё ли ладно, всё ли крепко. Это, я тебе скажу, такое зрелище — не оторвешься.

Кикимора задумалась. Почесала когтем под мышкой.

— И каждый день? — спросила она.

— Каждый божий день, — подтвердил Иван. — С утра до вечера. А ты придешь, сядешь на бережку и будешь... ну, смотреть. Удовольствоваться. Неоднократно. Как говорится, глазами, ушами и всей зеленой душой.

— А можно будет... поучаствовать? — робко спросила Кикимора.

— Участвовать? — Иван сделал серьезное лицо. — Ну, если бобры позовут. Они народ суровый, но справедливый. Может, и позволят хвостом пошлёпать. Или бревно подержать. Главное — не лезть в плотину, когда они её строят. А то могут и покусать. Но покусают — и то удовольствие, верно?

Кикимора уже не сидела на месте. Она вскочила, забегала вокруг своей кочки, потирая длинные руки.

— И где, говоришь, эта речка? — спросила она, жадно глотая воздух. — А бобры большие? А много их? А шлёпают громко?

— Очень громко, — заверил Иван. — На всю округу. И бобров — тьма-тьмущая. Целое царство бобриное. И каждое утро они выходят на стройку — и начинается такое... я тебе даже рассказывать не буду, лучше один раз увидеть.

— Веди! — заорала Кикимора. — Веди скорее!

— Погоди, — остановил её Иван. — Сначала перегородку расплети. Уговор дороже денег.

Кикимора, не говоря ни слова, подбежала к перегородке и начала сдирать её с такой яростью, что ветки летели во все стороны, старые лапти разлетались в труху, а коса упала в болото и тут же утонула — видимо, болото обрадовалось новому экспонату.

— Готово! — крикнула она через минуту. Тропинка была чиста. — А теперь веди меня к бобрам!

Иван не спешил. Он медленно подошел к Волку, медленно вскочил в седло и сказал:

— Так вот, слушай внимательно. Сейчас я тебе расскажу, как до этих бобров добраться. Ты запоминай и не перебивай.

И тут Иван Царевич рассказал Кикиморе один очень поучительный анекдот.

Так вот, как мне лиса вчера жаловалась - плакала. Говорит вчера пошла через плотину, так бобры поймали и всей семьей изнасиловали. Сегодня там проходила - опять поймали и целый час насиловали. Потом молчала-молчала, да и не выдержала - и завтра опять там пойду!

— И так, — закончил Иван, — лиса та к бобрам пока больше не ходила, хоть и пообещала. А плотина до сих пор стоит. И они ждут там. Вот такая история.

Кикимора слушала, открыв рот. Глаза её желтые расширились, потом сузились, потом снова расширились. Зеленое лицо пошло пятнами.

— То есть... — медленно сказала она. — То есть бобры... это всё? Эта плотина... и лиса...

— А что ты хотела? — пожал плечами Иван. — Жизнь она такая. Не всё то удовольствие, чем кажется.

Кикимора замерла. Потом взвилась. В прямом смысле — подпрыгнула на полтора аршина, взметнув полы сарафана, и с диким воплем бросилась к тому месту, где только что была перегородка. Но перегородки уже не было — она сама её снесла.

— ТЫ! — заорала Кикимора, тряся кулаками в сторону Ивана. — ТЫ МЕНЯ ОБМАНУЛ! НЕТ ТАМ НИКАКИХ БОБРОВ! ИЛИ ЕСТЬ, НО НЕ ТАК! ВСЁ НЕ ТАК!

— Почему же не так? — спокойно спросил Иван. — Бобры там есть. И плотину они строят. И шлёпают хвостами. Просто удовольствие — оно у каждого своё. Ты хотела смотреть — вот и смотри. Никто не запрещает.

Кикимора зарыдала. Но рыдала она недолго — потом резко вытерла слезы (и зеленую соплю) рукавом и сказала:

— Ладно. Ладно, царевич. Я тебя запомнила. Но дорогу я тебе открыла — езжай. А я... — она подозрительно сощурилась, — а я всё равно схожу к этой речке. Проверю. И если ты меня обманул — я к тебе в терем ночью приду. И буду там...

— Не надо, — сказал Иван, натягивая поводья. — В тереме у меня бухой Кощей ночует. Он не любит, когда кто-то без спроса в его комнату лезет. У него, знаешь, склероз —

он сначала стреляет, а потом спрашивает.

Кикимора поперхнулась. Пьяного Кощея она боялась даже больше, чем трезвого царевича с саблей.

— Езжай, — буркнула она, отворачиваясь и начиная снова щупать себя за пазухой (видимо, для успокоения). — Езжай, пока я добрая.

Иван не стал ждать, пока доброта Кикиморы кончится. Он вонзил пятки в бока Волка, и они помчались по освобожденной тропинке дальше, оставив позади болото, зеленую девицу и ее несбывшиеся надежды на бобровое счастье.

— Иван, — сказал Волк на бегу. — А бобры там хоть есть?

— Есть, — ответил Иван. — Я сам их прошлым годом видел. Плотину строили. Шлёпали, кряхтели, удовольствие получали — не оторвешься. Только Кикиморе туда лучше не ходить.

— Почему?

— Потому что бобры — народ нервный. Как увидят зеленую тетку с когтями, которая на них пялится и щупает себя за пазухой — такую плотину в момент разберут и в лес уй-

дут. А мне потом Леший скажет спасибо. Да и Леший теперь лысый, он и так не в духе.

Волк засмеялся, и они поскакали дальше, к пятому месту Долины Нечисти, где их ждал Водяной с русалками.

Конец четвертой главы.

Глава 5

В

Глава пятая. Русалка, тариф и одна очень страшная история

После Кикиморы, которая так и осталась на болоте щупать себя за пазухой и размышлять о бобрах, Иван Царевич скакал бодро и весело. Кудри его развевались, усы топорщились, сабля «Змеедуша» на боку позвякивала в такт скачке.

— Иван, — сказал Волк, сбавляя ход. — Дальше брод.

— Ну и что?

— А то, — Волк остановился как вкопанный и прижал уши. — Дальше я не пойду. Там русалки.

— Трусишь? — усмехнулся Иван.

— Не трушу, а адекватно оцениваю риски, — обиженно ответил Волк. — Русалки — они коварные. Заманивают, щекочут, а потом — хватать — и под воду. Я, между прочим, плавать не умею. Я волк, а не морж.

— Да ты в брод, по колено, — успокаивал его Иван.

— По колено мне хватит, чтобы русалка за хвост схватила,
— буркнул Волк и уперся всеми четырьмя лапами в землю.
— Нет. Ни за что. Хоть саблю на меня наставляй.

Иван слез с волка, подошел к броду. Вода в реке была темная, спокойная, а посередине, где брод, так и вовсе стоячая. Кувшинки плавают, стрекозы летают, тишина — благодать. И как раз на самой середине, на мелководье, вода вдруг забулила, и из нее появилась... русалка.

По пояс. Как положено. Верхняя половина — девица хоть куда: волосы длинные, зеленоватые, в них кувшинки запутались; личико бледное, глазки огромные, губы бантиком. Нижняя половина — ну, сами понимаете, хвост чешуйчатый, которым она по воде бьет, брызги во все стороны.

— Ой, — сказала русалка томно, поправляя волосы. — А кто это к нам пожаловал? Неужто царевич? А чего это ты, царевич, на волке, а не на коне златогривом? Все нормальные царевичи на конях златогривых ездят. А ты — на волке. Станный ты какой-то.

— Волк быстрее, — ответил Иван, не желая вдаваться в подробности.

— Быстрее, говоришь? — русалка кокетливо наклонила голову. — Ну-ну. А чего это ты, царевич, на том берегу стоять? Может, через брод хочешь?

— Хочу, — признался Иван. — Мне дальше ехать. Двадцать мест на спор.

— На спор? — русалка оживилась, глаза её загорелись холодным зеленым огнем. — Это хорошо. Я люблю споры. И торги люблю. Так вот, царевич, тариф тут у меня простой.

Она вылезла из воды чуть повыше, оперлась локтями о берег и сказала:

— Десять раз «полюбить» — и проедешь. Десять раз — и брод твой. Всё честно, всё по-божески.

Иван задумался. С одной стороны, Кикимора предлагала всего пару раз, а эта — сразу десять. С другой стороны, Кикимора была зеленая и кочковатая, а эта — вроде бы ничего, только хвост. С третьей стороны, Иван был царевич, а не какой-нибудь там... ну, сами понимаете.

— Десять? — переспросил он, делая вид, что торгуется.

— Десять, — твердо сказала русалка и хвостом шлёпнула по воде. — Не десять — не проедешь. И волк твой пусть не упирается — мне его хвост не нужен, у меня свой есть.

Волк, который всё это время стоял в отдалении и дрожал мелкой дрожью, услышав про хвост, попятился еще на несколько шагов.

— Иван, — жалобно сказал он. — Иван, может, в обход? Может, через лес? Через болото? Через пасть Змею Горынычу?

— Не ной, — отмахнулся Иван.

И тут его осенило. Осенило так, что он даже козырнул сам себе мысленно. Вместо того чтобы вступать в эти сомнительные переговоры, вместо того чтобы «любить» десять раз какую-то чешуйчатую девицу, можно попробовать... напугать её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.